РОДОСЛОВНАЯ АЛЬТРУИЗМА

(Этика с позиций эволюционной генетики человека)

В.П. Эфроимсон

ПРОБЛЕМА происхождения доброго начала в человеке спокон веков волнует мыслителей. В не столь уж далекие времена для большинства людей наиболее убедительным представлялось то объяснение, которое давала этой проблеме религия. Сегодня, когда мало кто всерьез относится к идее божественного происхождения добра, широко распространено убеждение, что воспитание - полный, единственный и безраздельный творец этических, моральных, нравственных начал в человеке, а их передача от поколения к поколению целиком обусловлена только социальной преемственностью.

Роль преемственности бесспорна. Если ребенка сразу после рождения лишить на несколько лет звука человеческой речи и общения с другими людьми, то он никогда уже не научится говорить и превратится в полуидиота. Конечно, способности и свойства человека развиваются в общении с людьми. И не исключено, что сверхталантливый педагог смог бы вырастить на редкость продуктивного специалиста из ученика, почти не обладающего способностями к будущей профессии, а опытный рецидивист - закоренелого негодяя из потенциально благороднейшего ребенка. Исходя из этих крайних, уникальных ситуаций, можно прийти к выводу, что человек со своим потенциальным умом и этическими свойствами рождается каким-то белым листом, на котором окружение, среда, воспитание записывают любой текст. Но оторвемся от особых, аномальных ситуаций и задумаемся над тем, является ли мышление и этика подростка, юноши, индивида действительно только мягкой глиной, пассивно ждущей скульптора.

Попытка объявить воспитание само по себе монополистом в деле формирования этических представлений необязательно ведет к безусловно прогрессивным, оптимистическим выводам. Ведь можно же, поддерживая из поколения в поколение преемственность обработки умов, воспитывать тупых расистов или сектантов-фанатиков. Тем более что это уже удавалось. Но почему же только до поры до времени? Потому что внешние и внутренние толчки быстро вскрывали слабость этих государств, угнетающая социальная преемственность рушилась. Угнетенные .массы брались за оружие и шли на опаснейшую борьбу, как только для этого возникали экономические предпосылки, достаточно глубоко выясненные социальными науками. Но ведь знаменателен и сам факт готовности масс идти на подчас почти верную гибель!

Бесчисленные мыслители приходили к выводу о существовании в человеке какого-то начала, заставлявшего из века в век (нередко вопреки всему, что пытались заложить в него воспитатели) подыматься на борьбу со злом даже при ничтожных шансах на победу, и тем самым признавали в человеке врожденное существование доброго начала. Но имеются ли хоть какие-либо основания для таких признаний? Иначе говоря, совместимо ли с современной наукой предположение, что, кроме порожденных воспитанием, кроме обусловленных социальной средой, есть еще какие-то, разумеется же не божественного происхождения, истоки доброго начала в человеке? "*Почему, вследствие какого умственного или чувственного процесса человек, сплошь да рядом, в силу каких-то соображений, называемых нами "нравственными", отказывается от того, что несомненно должно доставить ему удовольствие. Почему он часто переносит всякого рода лишения, лишь бы не изменить сложившемуся в нем нравственному идеалу?*" (П. А. Кропоткин, "Этика", Пб- М., 1922, т. 1, стр. 109).

Успехи современного естествознания, успехи эволюционной генетики позволяют, по-видимому, ответить на этот вопрос. Есть основание считать - в наследственной природе человека заложено нечто такое, что вечно влечет его к справедливости, к подвигам, к самоотвержению. И задача этой статьи - показать, что те огромные, хотя противоречивые потенции к совершению добра, которые постоянно раскрываются в человеке, имеют свои основания также и в его наследственной природе, куда вложены они действием особых биологических факторов, игравших существенную роль в механизмах естественного отбора, в процессе эволюции наших предков.

При этом хочется еще раз подчеркнуть, что выдвинутая идея ни в какой мере не отвергает роль социальной среды и воспитания в формировании этических принципов личности. То, что любой организм, а в особенности человек со всеми свойствами его психики, поведения, этики, - продукт среды, бесспорно. Но поскольку та сторона вопроса, которая подчеркивает роль воздействия социальной среды, воспитания, получила самое широкое освещение в научной литературе и многочисленных публицистических статьях, то автор в данном случае считает целесообразным сосредоточить главное внимание именно на наследственном механизме формирования этических начал. Ибо, по нашему мнению, такой антитезисный подход может породить необходимый синтез. Одним словом, мы попытаемся показать, что последний миллион лет и в особенности последние десятки тысяч лет эволюции создали какой-то преемственно передающийся комплекс наследственных этических реакций, придавливаемых (но все же существующих) в условиях крайних, предельных, но реализующихся в нормальных условиях.

Естествен ли, природен ли для человека только эгоизм?

Уничтожение десятков миллионов людей на фронтах и в лагерях во время двух мировых войн, массовые расстрелы гражданского населения, бомбежки мирных городов, истребление пленных голодом, холодом, болезнями, безнаказанность военных и гражданских преступников, возникновение новых очагов войны внушили многим зарубежным ученым мысль, что агрессивность, эгоизм и хищность - природные, неискоренимые свойства человечества в целом. Обыватели и обслуживающие их писатели, художники, артисты, кинодеятели прониклись этим же мировоззрением без особой помощи ученых. Идеологи империализма (отнюдь не бескорыстно) способствуют распространению подобных взглядов, ибо видят в них надежный способ противодействия объединению людей для борьбы за общие интересы. Они доказывают, что представление о врожденном человеческом эгоизме опирается на дарвиновскую теорию естественного отбора. Все неспособные к самосохранению должны вымирать, уступая место тем, кто любой ценой, любыми средствами побеждает и уничтожает врагов и соперников. По их мнению, ближайшим предком человека является плотоядный хищник, африканский австралопитек, миллион лет назад избравший кость антилопы в качестве главного орудия охоты и убийства себе подобных. Примеры, иллюстрирующие правоту этого взгляда, подбираются из жизни животного мира. Так, самец бойцовой сиамской рыбки сражается с соперником и убивает его. Стаи птиц, стада обезьян сражаются за территорию с соплеменниками; в стаде обезьян очень быстро устанавливается иерархия господства н подчинения; сложное иерархическое деление существует в виде так называемого права первого клевка и в столь безобидной на вид стае кур.

Американский антрополог А. Кейт в трудах об эволюции человека пишет: "*Нужно признать, что условия, вызывающие войну - разделения животных на социальные группы, "право" каждой группы на собственную территорию, развитие комплекса враждебности, направленного на защиту этих участков, - все это появилось на земле задолго до появления человека*". А человек, по представлению А. Кейта, несет в себе

закрепленное в генах наследство в виде страсти к господству, собственности, оружию, убийствам, войнам.

Но самая худшая ложь - это неполная правда, и недаром английская присяга суду формулируется: клянусь говорить правду, всю правду и ничего кроме правды.

Идея, будто естественный отбор среди диких животных ведет к усилению хищнических инстинктов, совершенно правильна, если представить себе их существование в форме борьбы всех против вся. Если такой же характер имел естественный отбор в ходе формирования человечества, то логически неизбежен вывод, что все этические начала в человеке порождены лишь воспитанием, религией, верой, убежденностью, являются особенностями, целиком приобретаемыми каждый раз наново под влиянием среды в ходе индивидуального развития, то есть ненаследственными. Зато вспышки массовой жестокости - не только результат ее воспитания и культивирования, это возврат к животным инстинктам, к первобытным звериным, из века в век подавляемым, но именно естественным свойствам. Такое объяснение поступков человека широко распространено в зарубежной научной литературе.

Стремление к личной выгоде в обществе стеснено, дескать, лишь разумом, диктующим такую осторожность и такие нормы поведения, которые позволили бы обойти карающий закон и избежать опасной вражды и осуждения окружающих (не пойман - не вор). Отсюда все поступки, направленные на личную выгоду, но совершаемые в нераскрываемой тайне, естественны, а человека удерживают от их совершения только страх и навязанные воспитанием навыки. Эта теория, выводящая все поведение человека из его созданного отбором абсолютного эгоизма, подкупает своей простотой и логичностью. Действительно, по О. Уайльду, "*любовь к самому себе - это единственный роман, длящийся пожизненно*". Но эта теория естественного эгоизма сталкивается с фактами массового героизма и самоотвержения, с существованием героической верности своему долгу, стойкого чувства товарищества в самых тяжелых условиях и с быстрым массовым возрождением общечеловеческих этических принципов почти сразу после снятия тех исключительных форм подавления, которые сделали совершенно невозможными их претворение в жизнь.

Идея справедливости обладает необычайной способностью к регенерации, она подобна фениксу, возрождающемуся из пепла.

*** * ***

Вероятно, никто не станет оспаривать, что готовность матери (иногда и отца) рисковать жизнью, защищая детеныша, не вызвана воспитанием, не благоприобретена, а естественна, заложена в природе матери и отца. Но родительское чувство у животных длится лишь тот срок, на протяжении которого детеныши нуждаются в помощи и охране, а затем родители перестают обращать внимание на выросших детей. Очевидно, очень сложный инстинкт, действует лишь постольку, поскольку он помогает охране, потомства и процветанию вида. Нетрудно понять, что он способствует передаче наследственных особенностей родителей (в частности, тех же инстинктов защиты потомства) будущим поколениям. Наоборот, отсутствие наследственных родительских инстинктов исключало передачу этого дефекта потомству - оно просто не выживало без помощи родителей и родители, лишенные таких инстинктов, этот свой дефект больше не передавали. Так сохранялись и совершенствовались наследственно обусловленные родительские инстинкты.

Уже у стадных животных этот тип альтруизма распространяется за пределы семьи, охватывает стаю, стадо - отсутствие чувства взаимопомощи у членов этого сообщества

обрекает его на быстрые вымирание. Ведь у многих видов животных только стая, а не пара родителей способна одновременно осуществлять сигнализацию об опасности, защиту детенышей и добывание для них пищи. Стихи Киплинга выражают эту истину лучше любой прозы:

> Добыча Стаи - для Стаи; ты волен на месте поесть,
> Смертная казнь нечестивцу, кто кроху посмеет унесть
> Право Щенка-одногодка - досыта зоб набивать
> добычей Стаи, и Стая не смеет ему отказать
> Право Берлоги - за Маткой: у всех однолеток своих
> с туши четверку взимает она для прокорма щенков молодых.

Естественно, что даже без передачи опыта родительским примером стадно-стайные инстинкты оказываются непосредственно закрепленными, точно так же как защитная окраска, наличие когтей и много других средств самообороны

Обезьяны-гелады заботятся о потомстве всей стаей, и если дается сигнал тревоги,, далеко забредшие детеныши бросаются на спину любому из стаи, несущемуся в укрытие.

В стаде павианов мать с детенышем - привилегированное существо, ее охраняют самцы.

Самый страшный враг южноафриканских павианов не лев, могучий, но слишком тяжелый для того, чтобы лазать по деревьям за своей добычей, а леопард, который добирается до места, недоступного для льва, и убивает, как и лев, одним ударом лапы.

Натуралист Евгений Маре, три года живший среди павианов в Африке, однажды подсмотрел, как леопард залег около тропы, по которой торопилось к спасительным пещерам запоздавшее стадо павианов - самцы, самки, малыши, словом, верная добыча. От стада отделились два самца, потихоньку взобрались на скалу над леопардом и разом прыгнули вниз. Один вцепился в горло леопарду, другой в спину. Задней лапой леопард вспорол брюхо первому и передними лапами переломил кости второму. Но за какие-то доли секунды до смерти клыки первого павиана сомкнулись на яремной вене леопарда, и на тот свет отправилась вся тройка. Конечно, оба павиана не могли не ощущать смертельную опасность. Но стадо они спасли.

Рассматривая не только высших позвоночных, но и насекомых, особенно социальных, мы найдем почти у каждого вида такие инстинкты, способности, обычно считающиеся монополией человека, как героическая охрана потомства и забота о нем, взаимовыручка в опасности, самоотверженная защита стада и т. п.

Не говоря даже о добродетелях дельфинов, мы все же обнаружим, что в совершенно разных ветвях эволюционного дерева независимо создавались многие "человеческие" свойства. Но для того чтобы из некоторых задатков наших обезьяноподобных предков за десятки тысяч поколений выработались человеческие качества, неизбежно требовался отбор по строго определенному направлению, "программированному" жестко взаимосвязанными изменениями: огромным ростом головного мозга и его мощи, удлинением срока заботы о потомстве, усложнением сотрудничества и усилением самоотверженности. (О значении социальных условий, о воздействии труда на формирование и развитие упомянутых выше человеческих качеств автор не говорит здесь лишь в связи с уже заявленным в начале статьи намерением уделить основное внимание наименее выясненному, а именно - наследственному механизму формирования этических начал.)

Чтобы понять значение этого направленного естественного отбора и вызываемых им перестроек наследственной природы человека, вспомним высказывание Ф. Энгельса о том, что определяющим моментом в истории является производство и воспроизводство самой жизни, имеющее две стороны: с одной стороны, производство средств жизни. а с другой-"...производство самого человека, продолжение рода". Обычно помнят лишь первую часть формулы, но именно во второй ее части, в закономерностях производства самого человека, продолжении рода, таятся среди всей совокупности причин и причины наследственного закрепления тех якобы противоестественных человеческих эмоций, эмоций человечности, самоотверженности, благородства, жертвенности, непрерывное восстановление которых остается подчас загадкой или представляется алогичным с вульгарно-материалистических позиций.

*** * ***

> В то время как все другие животные быстро обучаются находить себе пищу, только у человека младенчество длится долго. И если бы он был вначале таким же, как теперь, то не смог бы выжить".
>
> Анаксимандр Милетский.

С чего начинаются человек и человечность?

От австралопитеков и питекантропов раннего палеолита нас отделяют 500-200 тысяч лет, от неандертальцев среднего палеолита 200-40 тысяч лет, а современный человек появился 40-13 тысяч лет назад (поздний палеолит): от 13 до 5 тысяч лет отделяют нас от мезолита и неолита, и примерно 5-7 тысяч лет длится историческая эра. Одно поколение, считая от рождения младенца до его зрелости и рождения у него детей, длится около 25 лет, и мы отдалены от нашего звероподобного предка всего-навсего десятком тысяч поколений.

Емкость черепа австралопитека - 450-550 кубических сантиметров, гомо эректус - 770--1000, пекинского человека - 900-1200, неандертальца - 1300-1425, современного человека, сапиенс, разумного, - 1200-1500. За эволюционно короткий срок емкость черепа выросла втрое.

Эволюция одного вида одновременно идет в разных направлениях, но с очень разной скоростью. Молекула гемоглобина человека, отделившегося от своего общего предка с гориллой два миллиона лет назад, отличается от молекулы гемоглобина гориллы лишь одной аминокислотой из 146, входящих в состав бета-цепи гемоглобина. Но всего за пять тысяч лет одомашнения тутовый шелкопряд утратил инстинкт добычи корма и полета. Лишь десятки миллионов лет потребовались, чтобы из тапирообразной морды вырос хобот слона и сформировалась шея жирафа, открывшая виду массу листвы, недоступной другим млекопитающим.

Однако удлинение шеи до таких размеров возможно было лишь при одновременной и сопряженной эволюционной перестройке всего организма - укреплялись и усиливались передние ноги и передняя часть туловища. Эволюция вида идет направленно, по определенному, наиболее важному, характерному пути приспособления. Например, тутовый шелкопряд под влиянием отбора, соответствующего основному пути - "каналу" - его эволюции, может за десяток поколений пройти путь наследственного сдвига от огромной бабочки с коконом, весящим три грамма, до карликового отродья весом в шесть-семь раз меньшим. Но главное, что при этом вместо одного поколения за год он будет давать три, четыре и пять поколений. Иными словами, наличие такого

установившегося, главного направления реагирования на отбор обеспечивает не только сверхбыструю эволюцию, но и эволюцию коррелированную, согласованную по целым системам признаков.

Каково же основное направление эволюции наших предков, каковы изменения, сопряженные с этим основным направлением (каналом)? Как известно, безоружность двуногих предков человека, спустившихся с безопасных деревьев на кишевшую могучими хищниками землю, предков еще неуклюжих и медленно бегавших, лишенных больших клыков, разрешилась в двух направлениях: появились не только гигантопитеки и мегантропы (тупики эволюции), но и гоминиды, владеющие членораздельной речью, использующие орудия, и главное - существа социальные.

Когда наш предок начал ходить на задних лапах, а передние лапы стали руками, появились орудия и начал стремительно развиваться и расти мозг, начал слагаться совершенно новый канал коррелированного, сверхбыстрого эволюционирования.

Большой мозг беспомощен, пока его содержимое не связано в целое памятью, условными и более сложными экстраполяционными рефлексами. Параллельно эволюционному росту мозга все более удлинялся срок, в течение которого детеныши нуждались в помощи и охране со стороны не только родителей, но и всей стаи, орды. Даже у самых примитивных племен детеныши до шести лет совершенно не способны к самостоятельному существованию, к обороне. У индейцев ребенок лишь с девяти лет признается способным охотиться самостоятельно.

Непрерывная охрана, непрерывное подкармливание беспомощных детей и беременных, численность которых составляла, вероятно, не меньше трети стаи, могли осуществляться только стаей в целом, скованной в своих возможностях быстрого передвижения этой массой нуждающихся в охране и пище носителей и передатчиков генов. И если эволюция человека от питекантропа оставила заметные следы в виде постепенно меняющихся скелетов, то в отношении наследственных инстинктов и безусловных рефлексов человек должен был уйти по направлению очеловечивания от питекантропа гораздо дальше.

Переход функций к большим полушариям головного мозга из-за дополнительных причин сделал еще более натравленным, а значит, еще более узким путь становления человечества.

Прежде всего, хождение на задних конечностях сузило таз праженщин и лишило их свойственной обезьянам способности рожать большеголовых детенышей. Поэтому подъем на задние конечности (появление прямостоящего питекантропа) привел к тому, что детеныши стали появляться на свет с непрочным черепом, с незрелой нервной системой. Этому черепу предстояло сильно и долго увеличиваться уже после рождения; предстояло долго развиваться и незрелой нервной системе. С другой стороны, вследствие подъема на задние конечности и освобождения передних детеныши в момент рождения оказались неспособными ходить. Матерям предстояло долго носить их на руках, тогда как у наших четвероногих предков детеныш способен ходить почти с момента рождения. Эти согласованные Друг с другом постепенные следствия роста больших полушарий все больше и все дольше усиливали зависимость потомства от наличия прочной спайки внутри стада, орды, рода, семьи, племени.

То, что сексуальная восприимчивость праженщин утратила сезонность и благодаря этому младенцы стали появляться на свет в самые разные времена года, также повысило роль социальности в сохранении потомства. Напомним, что наши предки научились использовать огонь всего 300 тысяч лет назад (Homo pekiniensis - пекинский человек),

варка пищи и шитье одежды были освоены всего 35 тысяч лет назад, земледелие - шесть тысяч лет, письменность появилась пять тысяч лет назад.

"*Естественно, что... среди очень многих человекоподобных видов, с которыми человек находился в борьбе за жизнь, выжил тот вид, в котором было сильнее развито чувство взаимной поддержки, тот, где чувство общественного самосохранения брало верх над чувством самосохранения личного, которое могло иногда влиять в ущерб роду или. племени*" (П. А. Кропоткин, "Этика", Пб.-М" 1922, т. 1, стр. 207).

*** * ***

> "Нет уз святее товарищества! Отец любит свое дитя, мать любит свое дитя, дитя любит отца и мать. Но это не то, братцы! Любит и зверь свое дитя. Но породниться родством по душе. а не по крови может только один человек".
>
> Н. В. Гоголь, "Тарас Бульба".

Круг инстинктов и безусловных рефлексов, необходимых для сохранения потомства, огромен. Требуется не только храбрость, но храбрость жертвенная, сильнейшее чувство товарищества, привязанность не только к своей семье, но и ко всем детенышам стаи, выработка мгновенной реакции на защиту беременных и кормящих самок. В условиях постоянных нападений хищников многие из этих рефлексов должны были срабатывать молниеносно.

Конечно, нельзя представить себе путь к человечеству только как путь усиления, совершенствования и расширения того начала, которое можно назвать альтруистическим. Во многих ситуациях избирательно выживал и оставлял больше потомства тот, над кем тяготел инстинкт самосохранения, чистый эгоизм. Борьба внутри стаи или племени за добычу, за самку сопровождалась отбором и на хищнические инстинкты. Вождь даже в современном южноамериканском охотничьем племени оставляет в четыре-пять раз больше детей, чем рядовой охотник. Но племя, лишенное этических инстинктов, имело, может быть, столь же мало шансов оставить взрослое потомство, как племя одноногих, одноруких или одноглазых. Стаи до человеков, орды, роды и племена человека могли не конкурировать и не воевать друг с другом, все равно природа безжалостно истребляла те общины, в которых недостаточно охранялись беспомощные дети, в которых недостаточно о них заботились. И если эволюция шла а направлении роста больших полушарий, то это могло происходить лишь при условии защиты долговременно беспомощного потомства. Если при этом неизбежно возрастали до гигантских, никем из животных и отдаленно не достигнутых размеров резервуары памяти, материальные основы безусловных, условных и экстраполяционных рефлексов, создавались сложнейшие механизмы мышления, то столь же неизбежно и быстро росла та система инстинктов и эмоций, на которую опирается совесть.

Под названиями "совесть", "альтруизм" мы будем понимать всю ту группу эмоций, которая побуждает человека совершать поступки, лично ему непосредственно невыгодные и даже опасные, но приносящие пользу другим людям.

Стада и орды дочеловеков и орды, роды, племена людей могли некоторое время обходиться без каких-либо коллективистических и альтруистических инстинктов. Они могли временно побеждать и плодиться. Но они редко могли выращивать свое потомство и редко передавать свои гены. А не оставляя потомства или беззаботно обрекая его на гибель, эти орды, как бы они ни были многочисленны и победоносны, должны были

становиться бесчисленными вымирающими тупиками эволюции, ее иссыхающими веточками. Лишь детеныши стай, орд, родов, племен с достаточно развитыми инстинктами и эмоциями, направленными не только на. личную защиту, но и на защиту потомства, на защиту коллектива в целом, на защиту молниеносную и инстинктивную, полусознательную и сознательную, имели шансы выжить. В условиях доисторических и даже исторических индивиды, у которых отсутствовали эти инстинкты, и общины, у которых они были редки, непрерывно устранялись естественным отбором за счет малой численности выживавших детенышей.

Могли ли эти инстинкты ограничиваться лишь заботой о потомстве, о товарищах по защите, или же становление человечества, превращение человека в сверхсоциальное существо было неизбежно связано с естественным отбором и на альтруистические инстинкты, гораздо более широкие?

Комплекс этических эмоций и инстинктов, подхватываемых отбором в условиях той специфики существования, в которую заводило человечество увеличение лобных долей мозга, оказывается необычайно широким и сложным, а многие противоестественные, с точки зрения вульгарного социал-дарвинизма, виды поведения оказываются на самом деле совершенно естественными и наследственно закрепленными. Поэтому свойственное человеку стремление совершать благородные, самоотверженные поступки не является простой позой (перед собой или другими), не порождается только расчетом на компенсацию раем на небе, чинами, деньгами и другими материальными благами на земле, не является лишь следствием добронравного воспитания. Оно в значительной мере порождено его естественной эволюцией, направлявшейся по руслу развития умственных способностей, удлинению срока беспомощности детей и сопряженной с этим чрезвычайной интенсификацией отбора на альтруистические эмоции. В долгий период палеолита и неолита, когда территориальная разобщенность стай и племен человека быстро обрывала распространение таких по преимуществу человеческих инфекций, как чума, холера, оспа, корь, тиф, дизентерия, когда женщины рожали по 10-15 детей и из них доживало до Зрелости лишь двое-трое, выживание и распространение племен главным образом зависело от успешной защиты потомства от хищников, от непрерывности кормления детенышей, от ухода за ними. Лишь при прочной внутриплеменной спайке, самоотверженности, товариществе, честности, чувстве жалости потомство могло прожить целое десятилетие, от рождения до относительной самостоятельности. Зато сохранение хоть половины потомства на протяжении трех-четырех поколений могло порождать настоящий взрыв преимущественного размножения племени "альтруистов" и инстинкты, которые позднее будут названы альтруистическими, чувства верности, товарищества, могли сразу распространяться на необозримые пространства. Но, возникнув на биологической наследственной основе, эта природная сущность человека проявляется в качественно иной области-социальной. И одна социальная структура может способствовать ее проявлению, а другая, наоборот, подавлять и извращать.

Отбор, понимаемый как борьба всех против вся, как отметание всего явно слабого. индивидуально неприспособленного либо утратившего приспособленность, казалось бы, должен был привести к закреплению эмоций, направленных против всех "неполноценных". Покажем на нескольких примерах, что наряду с этим реально действовавший групповой отбор порождал эмоции в высшей степени альтруистические, человечные, гуманные, являющиеся истинной основой прогресса и победы над природой.

*** * ***

"Так как человек не может обладать добродетелями, необходимыми для блага племени,

без самоотвержения, самообладания и умения терпеть, то эти качества во все времена ценились высоко и вполне справедливо".

Ч. Дарвин, "Происхождение человека и половой отбор", т. II, кн.. 1, М.-Л. 1927, стр. 165.

Эволюционно-генетический анализ объясняет нам, почему связи родственные, любовь к родственникам, жертвенность по отношению к ним оказываются столь прочными. Рассмотрим предельно упрощенную схему генетика Гамильтона.

Если индивид обладает наследственным задатком, который мы условно назовем геном альтруизма А, то, по законам Менделя, этим же геном должна обладать половина его братьев и сестер, четверть его племянниц и племянников, одна восьмая часть двоюродных племянников и т.д. Если наш индивид пожертвует собой ради спасения, например, четырех братьев и сестер, то с погибшим уйдет в небытие один ген А. Зато каждый из четырех оставшихся в живых, по законам Менделя, имеет 50 шансов из 100 быть обладателем гена А. Следовательно, два гена А будут сохранены. Предположим, что в течение нескольких поколений один из обладателей гена А будет жертвовать собой, каждый раз спасая десятки людей своего племени или рода, а среди спасенных несколько человек имеют тот же ген А. В таком случае частота этого гена будет быстро возрастать. Вывод: ген, индивидуально невыгодный, но способствующий сохранению ближайших родственников и даже менее близких, будет распространяться особенно интенсивно, если своим самопожертвованием индивид спасает множество людей. Это положение хорошо объясняет, почему именно в условиях жестокой борьбы за существование так сильна клановая, племенная спайка, почему инстинкт героизма, самоотверженности встречал такую могучую поддержку в обычаях. Именно родственные и даже "земляческие" связи поддерживались естественным отбором, закреплялись обычаями. Истребительный обычай кровной мести, разумеется, тоже опирался на эту форму группового отбора, поддерживавшего принцип "все за одного, один за всех". Именно этот принцип в исторически сложившихся условиях не столько усиливал, сколько ограничивал межплеменную борьбу. Чужака, одиночку не следовало трогать - за ним стояли племя и угроза кровной мести, варварский, но относительно прогрессивный обычай, сменивший полную безнаказанность убийства и насилия.

Дарвин отмечал: "*...Никакое общество не ужилось бы вместе, если б убийство, грабеж, измена и т. д. были распространены между его членами; вот почему эти преступления в пределах своего племени клеймятся вечным позором, но не возбуждают подобных чувств за его пределами*".

Мы обязаны продолжить эту мысль Дарвина и признать, что если естественным отбором заложены основы для внутриплеменной этики, то достаточно лишь внешнего стимула для того, чтобы эта этика была распространена на все человечество.

Конечно же следует отметить здесь, что естественный отбор не создал и не мог создать самую этику, но он вызывал такие перестройки наследственности, на основе которых у человека складывалась восприимчивость к определенным эмоциям и этическим началам, способность к этическим оценкам, к восприятию этических оценок, более того, потребность в этических оценках.

Один из крупнейших эволюционистов-генетиков нашего времени, Добжанский, прямо указывает: "*вполне допустимо, что эволюционные процессы могут создавать этические коды, которые при некоторых условиях могут действовать вопреки интересам*

отдельных индивидов, но зато помогают той группе, к которой эти индивиды принадлежат".

Анализ, основанный на эволюционно-генетических представлениях, позволяет по-новому осветить и вопрос о том, почему в человеческом обществе существует уважение к старости. Не является ли это почтение лишь продуктом традиции и воспитания? По-видимому, такое представление несколько сужено.

Дело в том, что уже на заре организации человеческих сообществ с развитием речи все большее, а может быть, и решающее значение в борьбе племени за существование стал играть накапливаемый и передаваемый опыт. Объем знаний, умений и навыков, необходимых племени для выживания в борьбе с природой и врагами, неуклонно возрастал. Умения и навыки изготовления орудий, одежды, добывания и поддержания огня, охота, ловля, сбор и хранение провизии, знание животных - жертв и хищников, знание свойств пищевых, целебных и ядовитых растений - даже всего этого было недостаточно. Требовалось знание звезд, рек, болот, гор, уменье лечить раны и болезни, устраивать жилье, ухаживать за младенцами и так далее, до бесконечности. Весь этот поистине энциклопедический арсенал знаний, получаемый от предков и накапливаемый, осваиваемый, проверяемый в жизни, при отсутствии письменности во всем своем объеме мог становиться достоянием лишь старых людей.

Конечно, прогресс человечества за последние десять тысяч лет и более определяется не естественным отбором (который в снятом виде, но действует постоянно), а социальной преемственностью, передачей опыта, умений, знаний от поколения к поколению, от одного стада, орды, племени, народа другому, по вертикали и горизонтали, в смене поколений от предков потомкам и от одного человеческого сообщества другому, одновременно существующему, но не обладающему этим знанием и умением, Однако главными передатчиками всего этого опыта, в особенности до появления письменности, были прежде всего старые люди с их жизненным опытом и. запасам сберегаемых памятью знаний. Они неизбежно становились для племени охраняемым и почитаемым кладом. От этой малочисленной группы (в примитивных условиях люди редко доживали до старости) выживание племени, может быть, зависело в гораздо большей мере, чем от молодых, но неопытных добытчиков. Поэтому у народов, не имевших письменности, старейшины пользовались очень большим авторитетом.

Разумеется, старые люди уже не передавали свои гены потомству, но группы и племена, в которых охрана старых людей и помощь им не была столь же автоматической и рефлекторной, как и помощь детям, при прочих равных условиях оказывались в худшем положении, чем племена, а которых гигантское разнообразие жизненного опыта дикарей и варваров непрерывно передавалось из поколения в поколение через живые энциклопедии - цепочки старых мужчин и женщин.

Таким образом, эмоциональное почтение к старикам, их защита, оказание им помощи не относится к категории чувств, всецело искусственно привитых и противоестественных с позиции теории естественного отбора. Эта форма альтруизма тоже могла иметь наследственную основу, закрепляться групповым естественным отбором и только подкрепляться воспитанием.

Нас не должно удивлять, что в чрезвычайных условиях у дикарей возникали прямо противоположные обычаи - уничтожения беспомощных стариков и старух как обременяющих общи'ну бесполезных потребителей скудных средств существования.

Прослеживая формирование наследственных инстинктов и эмоций под влиянием отбора, можно обратить внимание на то, что родители нередко переносят любовь, которую они питали к своим детям, на внучат. Нетрудно видеть, что и эти переключения эмоций с одного объекта на другой, более нуждающийся в заботе, неизменно давали преимущество в выживании и в распространении своих генов тем семьям и родам, родовым общинам, где оно существовало. "*Никому, кроме бабушек, не следует ходить за ребенком, матери умеют только производить детей на свет*". Сколько женщин, даже не зная этого афоризма Киплинга, ведут себя в полном соответствии с ним!

*** * ***

Одной из особенностей человека и человечества является любопытство и жажда знании, обрекавшая немалое число особенно одержимых этой жаждой людей на жертвы и лишения. Эту жажду можно счесть противоестественной, тем более что о.владение знаниями часто не помогало, а скорее мешало их владельцам выжить и тем более оставить побольше потомства. Те, кто имел мужество идти дальше уже общепризнанного или смело думал о недозволенном, гибли во все века.

Потомство великих ученых, мыслителей, поэтов, провидцев обычно малочисленно. "*Из пророка, познавшего женщину, семьдесят семь дней не говорит Бог*", - гласит древнее изречение. Индивидуальный отбор, вероятно, во все века действовал против чрезмерно любознательных, против стремившихся к познанию.

Однако попробуем сопоставить судьбу стада, орды, полулюдей, целиком лишенных духа познания, с судьбой такой группы, в которой хоть изредка появлялись его носители, почти всегда погибавшие бесцельно или бесследно, но нет-нет да оставлявшие орде, полустаду-полуплемени какую-либо из тысячи находок, будь то уменье добыть огонь, насадка камня на палку, "изобретение" щита, уменье плыть на бревне, хоть немного повышавших шансы группы на выживание и размножение. "*Большинство людей готово безмерно трудиться, лишь бы избавиться от необходимости немножко подумать*",-сказал Эдисон. Этот афоризм вряд ли будет справедлив вечно. Но он, вероятно, точно описывает ситуацию, существующую не одну тысячу лет. Тем нужнее эти немногие думающие для племени. Групповой отбор, видимо, не был столь интенсивным и сильным, чтобы сделать жажду энаний всеобщей и неукротимой, как, например, половое чувство, абсолютно необходимое для продолжения рода, но он все же шел. Именно жажда познания нового, истинного, скрытого заставила работать в науке сотни тысяч людей до того, как этот труд стал хорошо оплачиваться. Жажда знания и понимания обуревала людей всегда. Если она уводила в жречество, монашество, знахарство, шаманство, алхимию, талмудизм, кабалистику, сектантство, то она не создавала непосредственных материальных благ. Но даже эти искатели истины в религии, обреченные тем самым на научное бесплодие, нередко цементировали одой племена и народы этическими нормативами, ослаблявшими внутриплеменную борьбу, а своим жертвенным примером возбуждали добрые чувства, гаснущие в суете.

*** * ***

В силу ряда причин в нашей стране, второй родине дарвинизма и родине эволюционной генетики, .в течение определенного времени уделялось недостаточное внимание той стороне развития человечества, которая определялась его биологией и была связана с особенностями естественного отбора, действовавшего на человека в ходе его доисторического и исторического развития. Обычно человек с его психикой рассматривается исключительно как продукт социальных сил. И потому не исключено,

что некоторым читателям попытка осветить эволюционно-генетическую сторону проблемы покажется недопустимым переносом биологических закономерностей в социологию. Между тем Ф. Энгельс, изучая проблемы семьи, пришел к выводу о мощном влиянии биологических факторов на социальные. Он писал, что замеченное людьми вредное влияние кровного родства родителей на потомство привело к грандиозному перевороту в системе брачных отношений, суть которого заключалась в замене группового брака парным, притом обязательно экзогамным, не допускающим близкородственного союза. Именно чисто биологическим (общим и животным и растениям) фактом вреда кровнородственных браков Ф. Энгельс, опираясь на наблюдения антропологов, объясняет последовательную серию переворотов при переходе от кровнородственной семьи к системе браков, исключающей половую связь между сестрами и братьями. "*Не подлежит сомнению*,- пишет Энгельс,- *что племена, у которых кровосмешение было благодаря этому шагу ограничено, должны были развиваться быстрее и полнее, чем те, у которых брак между братьями и сестрами оставался правилом и обязанностью"*. С позиций современной эволюционной генетики это означает, что межгрупповой отбор отметал племена с кровосмесительными браками и поддерживал племена, где эти браки запрещались. И далее: "Стремление воспрепятствовать кровосмешению проявляется все снова и снова, действуя, однако, инстинктивно, стихийно, без ясного сознания цели". Благодаря этому перестраивается вся родовая и племенная жизнь. Энгельс отмечает, "*что у ирокезов и большинства других стоящих на низшей ступени варварства индейцев брак воспрещен между всеми родственниками, которых насчитывает их система, а таковых несколько сот видов*".

Чрезвычайно показательно то, что при этом перестраиваются в ходе отбора не только законы, но и инстинкты у огромного большинства людей всех времен и народов, начисто исключающие половое влечение брата к сестре и наоборот. Для подавления такого влечения, как правило, вовсе не требуются особое воспитание, обучение, указания на "греховность", "постыдность" и т. д. Влечение просто начисто отсутствует. Любопытно, что в цивилизованном обществе это полное подавление полового влечения приостанавливает свое действие уже на той степени родства, при которой риск для потомства оказывается резко сниженным,-.на степени двоюродного родства. При таком родстве брак разрешен протестантской церковью, формально запрещен католической, но разрешение на такой брак выдается относительно легко, а в Индии и Японии браки с двоюродными сестрами просто обычны. Статистика показывает, что при кровосмесительных связях (брат - сестра, отец - дочь) очень велик риск для потомства, тогда как двоюродное родство родителей дает умеренные, допустимые цифры. Таким образом, на половой инстинкт самой природой, именно наследственным инстинктом, наложено биологически чрезвычайно важное ограничение.

Революция брачных отношений шла почти одинаково у племен, разобщенных в пространстве и времени, в Северной Америке и Африке, на островах Тихого океана и з джунглях Азии. Вся эта сложнейшая перестройка, как указывал Ф. Энгельс, в конечном счете подчинена одной задаче - исключать кровнородственные браки. Так мощно действовал именно биологический фактор на социальные отношения. Так мощно система воспроизводства человека влияла на общественное сознание.

*** * ***

Да, так любить, как любит наша кровь,
Никто из вас давно не любит.
Забыли вы, что в мире есть любовь,

Которая и жжет, и губит!

А. Блок.

"Мужчина помнит трех женщин: первую, последнюю и одну".

Р. Киплинг.

Но если то, что мы называем теперь групповым отбором, в корне перестроило быт при переходе от дикости к варварству, то и самое поразительное по силе чувство, чувство половой любви, любви моногамной, к единственному и единственной, тоже, можно думать, в значительной мере порождено особой направленностью естественного отбора в ходе становления человечества.

Каково же происхождение этой безмерной и столь прочной избирательности, когда возможных объектов для удовлетворения чисто физического полового влечения так много?

По-видимому, в условиях частого голода, холода, нападения хищников и врагов женщина и мужчина, часто менявшие партнеров, разрушавшие свою семью, значительно реже доводили своих детей до половой зрелости и реже передавали свои гены потомству, чем мужчины и женщины с прочным влечением друг к другу, с прочными семейными инстинктами. Когда исчез групповой брак, отбор на поддержание инстинктов целостности семьи, вероятно, начал идти с большой интенсивностью и длился во все исторические времена. Вероятно, поэтому многообразный комплекс эмоций, унаследованный нами от предков, оказывается очень устойчивым. Разумеется, не следует думать, что развертывание этой системы эмоций происходит независимо от окружающей среды, ее влияния, воспитания. Речь идет скорее о том, что эта унаследованная система создает восприимчивость к ряду этических положений, вносимых извне, восприимчивость унаследованную и поэтому возрождающуюся вновь и вновь в каждом поколении, нередко поразительно устойчивую. Но инстинкты, эмоции моногамией любви, вероятно, укреплялись и другим способом. Не исключено, что здесь играл роль и естественный отбор, вызванный венерическими болезнями.

В эпоху группового брака люди жили столь разобщенными сообществами, что возбудители венерических болезней почти не могли приспособиться к человеческому организму или достичь широкого распространения. Только много позднее, когда численность населения Земли достигла многих миллионов, венерические болезни стали широко поражать народы и племена. Вероятно, с этого времени начал усиливаться очень своеобразный естественный отбор на однолюбие, на способность к супружеской верности, на все эмоции, с этой верностью связанные. Сберегание девственности, которая иным представляется противоестественной и даже пережитком варварства, тоже, вероятно, относится к группе эмоций, мощно поддержанных естественным отбором по той же самой причине.

В нашу эпоху, когда венерические болезни в значительной мере искоренены, трудно представить себе, какую важную роль они играли некогда в качестве фактора естественного отбора. В прошлом, уже с предысторической эры, почти каждый внебрачный контакт был связан со значительным риском венерического заболевания. И эти болезни мощно устраняли из человеческого генофонда наследственное предрасположение к сексуальным излишествам в форме частой смены партнеров. Провозглашенная церковью святость брачных отношений религиозно оформила лишь в

свое время властно продиктованный природой долг по отношению к здоровью супруга и детей.

Эмоции моногамной любви, любви на всю жизнь, могут показаться противоестественными. Но тех, кто эти эмоции не способен был испытывать, естественный отбор отметал достаточно беспощадно, разумеется, не потому, что они сами гибли, а потому, что оставляли мало потомства, не оставляли его вовсе или оставляли потомство, зараженное внутриутробно либо в ходе родов.

Отсутствие соответствующих эмоций жестоко каралось из поколения в поколение естественным отбором, ибо венерическое заболевание обрекало на полное или частичное бесплодие. Трудно сказать, что возникло раньше: легенды и саги о верности, о любви, не знающей препятствий, религиозные табу или те эмоции, которым они соответствовали. Но и эмоции и соблюдения запретов поддерживались естественным отбором.

Однако и независимо от венерических болезней победителем с эволюционной точки зрения редко бывала полуобезьяна или белокурая бестия, которая владела всеми женщинами орды, а других мужчин калечила. И орда бестии и ее потомство оказывались, вероятно, очень недолговечными, не выдерживали борьбы с другими ордами, с природой. Они становились одним из бесчисленных тупиков эволюции. С эволюционной точки зрения победителями оказываются народы или группы, устойчиво плодовитые. И чадолюбивый крестьянин оставлял обычно больше детей, чем ловеласы, донжуаны, мессалины и клеопатры всех социальных уровней, времен и народов.

На материальной основе психики, созданной естественным отбором, возникает величественное здание эмоций, .связанных с чувством индивидуальной любви, такой, какой описывают ее поэты и художники.

В наше время религиозные догмы, нормирующие сексуальные контакты, потеряли значение. Почти исчезли, по крайней мере в развитых странах, венерические болезни, которые тысячелетиями проверяли людей на стойкость и моногамность сексуального влечения. Но те эмоции, которые были наследственно закреплены естественным отбором, остались и сохраняются у юношей и девушек, мужчин и женщин мечта о единственной и вечной любви, сохраняется вопреки всем удовольствиям, которые обещают ныне почти безопасные мимолетные связи. Это значит, что сохранились некогда созданные естественным отбором, наследственно обусловленные системы эмоций, наследственная восприимчивость к определенным этическим идеалам. Может быть, обидно, жестоко, что эмоции и идеалы супружеской верности, преданности, вечной любви к своим детям и их матерям выкованы десятками тысячелетий отбора, то есть. гибелью миллионов, десятков миллионов, сотен миллионов тех детей, родители которых не обладали этими этическими эмоциями. Еще обиднее и оскорбительнее согласиться с тем, что наши высшие поэтические идеалы вечной любви имеют своим отдаленным источником столь низменных причины, как бесплодие и отбор, вызванный венерическими заболеваниями. Но природа беспощадна, она оставляет из миллионов икринок в живых только пару рыб-производителей. Она заставляла женщин рожать 15-20 детей и оставляла в живых только немногих, точнее, она начисто выметала в каждом поколении потомство большинства семей и продолжала род за счет немногих, ведя жестокий индивидуальный, межсемейный и межгрупповой отбор, А каким победоносным в ходе эволюции могло оказаться появление наследственного инстинкта или эмоции, властно соединявшей отца и мать! Ведь в то время дети, лишенные одного из родителей, имели мало шансов дожить до самостоятельности.

* * *

Таким образом, закон естественного отбора, самый могущественный из законов живой природы, самый безжалостный и "аморальный" среди них, постоянно обрекавший на гибель подавляющее большинство рождавшихся живых существ, закон уничтожения слабых, больных, в определенных условиях - и именно в тех условиях, в которых создавалось человечество - породил и закрепил инстинкты и эмоции величайшей нравственной силы.

Из этического наследства человека, из арсенала его наследственных норм реакции в каждую историческую эпоху реализуется далеко не все. Для пробуждения, реализации этих общечеловеческих эмоций (об исключениях речь будет ниже), конечно, требуется воспитание, пример. В разные исторические периоды реализуется не весь наследственный этический код, а лишь та его часть, которая соответствует социальным условиям эпохи. Некоторые элементы этического наследства временно перестают проявляться из-за перерыва в передаче необходимых традиций, другие, наоборот, усиливаются, гипертрофируются. Но подспудное существование наследственного кода этических эмоций трудно оспаривать,

Поражает воображение быстрота, с которой завоевали доверие миллионов, десятков и сотен миллионов людей религии и учения, выступавшие под флагом человечности и справедливости. Поражает воображение длительность власти этих религий и учений. Очевидно, они находили резонанс в уме и чувствах подавляющего большинства людей всех времен и народов. И если религии сохраняют поныне свою власть над сотнями миллионов, то это в немалой мере объясняется тем, что церковь эксплуатирует свойственное человеку, но часто поруганное чувство справедливости. Ведь и социальные процессы и тенденции, направленные на поиски справедливости, при всей своей специфичности не только не противоречат основным биологическим свойствам человека, но и наоборот, соответствуют некоторым сторонам его сложной биологической организации.

Еще раз напомним - мы не пытаемся объяснять все этические нормы, все веления совести спецификой того естественного отбора, которым создавалось человечество. В реализации их роль социальной преемственности, передача традиций, навыков, действие личного примера и системы воспитания огромна. Но можно с большой долей уверенности утверждать, что эмоции человечности, доброты, рыцарского отношения к женщинам, к старикам, к охране детей, стремление к знанию-это те свойства, которые направленно и неизбежно развивались под действием естественного отбора и входили в фонд наследственных признаков человека. Они развивались по мере превращения животного в человека - животное социальное, по мере увеличения мозга и удлинения срока беспомощности детей, как развивались мозг, условные рефлексы, разум, память, способность к членораздельной речи. Разумеется, постепенно возникнув, совокупность альтруистических эмоций может быть закреплена как норма поведения и передаваться далее по законам социальной преемственности. Но без генетической основы эта социальная преемственность не имела бы универсальности и стойкости.

Таким образом, чувство долга, доминирующее в поведении неизворотливого большинства, порождено не звездами небес и божественным законом в груди. Оно развивалось при решающем воздействии социальных условий, параллельно с отобранным за десятки тысяч поколений эволюции комплексом эмоций, столь же необходимым человечеству, как и речь, как уменье пользоваться орудиями.

* * *

Есть, однако, факты, как бы опровергающие эволюционно-генетическую гипотезу становления этики. Основная масса этих фактов связана со стойким существованием воистину бессовестной преступности. Оставить эту проблему без краткого рассмотрения значило бы спрятаться от главного возражения.

Выход в действие комплекса эмоций, объединяемых названием "совесть", да и интенсивность этих эмоций зависят от среды, воспитания, примеров. Но "такт", "приличие", "дипломатичность", "хорошие манеры", "светскость" и т. д., позволяющие, в частности, "хранить и в подлости оттенок благородства", удобны как формы ухода от требований долга. Дикарь или малообразованный "простак" может проявить большую этическую активность, чем цивилизованный человек, всегда легко подыскивающий мотивы для самооправдания. Связь высоты уровня этики индивида со степенью его образования или его материальным положением далеко не однозначна, и история дает нам немало примеров зависимости между этими факторами, отнюдь не прямой, а подчас обратной. Во всяком случае, охотников до "самоутверждения" любой веной нетрудно на протяжении истории найти среди представителей разных социальных групп.

Объективными антропометрическими намерениями группы студентов и группы молодых преступников американский антрополог Шельдой установил, что подавляющее большинство преступников-подростков США характеризуется однотипной телесной конституцией, так называемым мезоморфно-эндоморфным типом. Предельно упрощенно-это коренастый, большебрюхий и широкогрудый здоровяк с преобладанием физического развития над интеллектуальным. Что же это, наконец отыскался пресловутый преступный тип Ломброзо? Разумеется, нет. Просто в том социальном окружении, в котором агрессивность и бессовестность являются одним из важнейших атрибутов социального подъема, где идеалом является "мужественный" хищник, где организованная преступность, по свидетельству отнюдь не приверженных к коммунизму специалистов, дает ежегодный доход в 20 миллиардов долларов, где повседневно демонстрируется расовое неравенство, где социальная несправедливость само собой разумеется и естественна, там этот вариант нормальной конституции легче идет на преступления, чем все в пять раз более многочисленные остальные, вместе взятые. Психологически понятно стремление этих подростков к самоутверждению чем бог послал, проявляя свою силу, сноровку, смелость, которые в иных социальных условиях нашли бы себе совсем другое применение.

Разумеется, наивно было бы отрывать биологическое от социального. Молодыми преступниками в США становится лишь малая доля подростков помянутой конституции, ее наиболее бессовестная часть. Перейдя в критический возраст гормональной перестройки и сексуальной реализации, выйдя из-под власти школы и семьи, обладая уже достаточной силой для хулиганства и т.п. но еще не созрев настолько, чтобы подпасть под власть и задерживающих центров, и более масштабных общественных групп, эти юнцы легко организуются Р шайки со своими примитивными идеалами самоутверждения. Но, например, во времена Святейшей инквизиции и Третьей империи, когда так поощрялось доносительство, по числу своих жертв, вероятно, превалировал иной конституциональный тип: более взрослые самоутверждающиеся подонки эндоморфного (церебрального) типа, поставляющие преступников более хитрых и лучше маскирующихся. Нужно ли упоминать, что это лишь статистическая закономерность, а реальное взаимодействие личностного, наследственного, конституционального с социальной средой в каждом случае несравненно более сложно? Нужно ли упоминать, что никакая конституция (за исключением клинически патологичной, например психоза) не может служить

всепрощающим обстоятельством? Личная ответственность остается. Человек благодаря развитию лобных долей мозга слишком далеко ушел, чтобы не понимать совершаемого и не прогнозировать следствия.

Умственная отсталость, незрелость или просто ограниченность может легко приводить к суждению об окружающем с позиций небольшой группы своего непосредственного окружения - подростков, уличной шайки, парней или девушек своей деревни, членов своей секты, своей группы снобов или дельцов. Именно это позволяет направить этический комплекс на "доблестное" участие в какой-нибудь шайке бандитов, воров, хулиганов; нравственное чувство найдет выход в "молодечестве"; чувство товарищества у новичков будет использовано бессовестными членами шайки. Но и этот вид поведения диктуется этическим комплексом, лишь извращенно реализуемым. Реализация этого на практике может быть направлена в любые каналы, например, на уничтожение "еретиков", "свободомыслящих", "представителей неполноценной нации", "врагов религии", "врагов священной частной собственности" и т.д. и т.п.

Конечно, роль традиции, культурной среды, преемственности, примера и воспитания в развитии этических свойств несомненна. К сожалению, мы еще слишком мало знаем о законах развития детской психики и действующих при этом механизмах усиления и торможения, чтобы установить, какое влияние на индивидуальную этику оказывают младенческие и детские восприятия, способные тысячекратно воспроизводиться в памяти усилительными механизмами психики и пускать в ход разнообразнейшие цепные процессы. Дурная традиция, дурное воспитание способны подавить наследственное чувство справедливости, гуманизма не только у морально дефективных, но и у людей с большим чувством долга. Низменные, "звериные" инстинкты легко развязываются на любом уровне, от самосуда над конокрадом, от выхода деревни на деревню с кольями до погромов и межплеменных, межнациональных, межрасовых войн. Но небезупречна и точка зрения тех социологов, которые исповедуют догму всевластия воспитания.

Антисоциальные поступки, преступность нередко целиком относят за счет социальных факторов, а применительно к нашему обществу - за счет пережитков капитализма в сознании трудящихся, за счет влияния чуждой идеологии. Предполагалось, что крайние формы антисоциального поведения, в частности преступность, исчезнут вместе с жестокой социальной нуждой, с неграмотностью. Этого, однако, пока не произошло, хотя существенно сгладились и пережитки капитализма, и пережитки нарушений норм социалистической законности, а экономический, культурный и образовательный уровень резко поднялся. При всей их значимости одними социальными факторами всю преступность полностью не объяснить.

Но подобно тому, как с улучшением материальных и санитарных условий среди заболеваний выходят на передний план наследственные дефекты, оттесняя дефекты, порожденные средой (инфекции, последствия недоедания, авитаминозы и т. д.), так и с ослаблением острой нужды и других чисто социальных предпосылок преступности начинают яснее выступать предпосылки биологические.

Однако, рассматривая преступность как явление прежде всего социальное, в ее биологических аспектах, мы должны ограничить свой анализ профессиональными преступниками, рецидивистами, то есть той чисто паразитической прослойкой, для которой преступление - основная, более или менее постоянная форма существования. Одной из причин такой преступности, вероятно, является зрелище безнаказанного, торжествующего зла в любой его форме. Примеры порождают и воспитывают подражателей. Но накоплен ряд фактов, позволяющих наконец трезво, деловито поставить вопрос о том, какую роль в подлинной, хронической, рецидивирующей преступности

имеют биологические и генетические факторы. Роль этих факторов в преступности долгое время полностью игнорировалась в силу естественной реакции на нелепости и дикости, высказанные криминалистами-ломброзианцами тогда, когда никакой научной генетики не существовало, а биологическая теория личности представляла собой набор произвольных догм.

Общая тенденция отбора вовсе не означает, что "нормальную" систему эмоций и реакций на окружение нельзя подавить средой или что человечество наследственно однородно в отношении эмоций, связанных с этикой. Нормальная система этических реакций, подобно любому виду психической деятельности, осуществляется при условии нормального состояния огромного количества генов.

Одной из постоянных особенностей любого вида высших организмов является его неисчерпаемая наследственная биохимическая разнородность. Речь идет не только о постоянных и часто вспыхивающих мутациях, речь идет о том, что в окружении неисчислимого разнообразия бактериальных, вирусных и грибковых паразитов, легко проникавших при мельчайших ранениях во внутреннюю среду организма, кровь, лимфу, клетки, переполненные питательными веществами, высшие животные (в том числе и насекомые) выработали универсальные средства защиты, одним из которых является именно наследственная разнородность. Например, если возбудитель малярии в ходе своей эволюции приспособился к нормальному эритроциту человеческой крови, то любое наследственное изменение этого эритроцита, даже вредное для человека, но еще более вредное для паразита, в малярийных зонах подхватывается отбором и за несколько десятков поколений распространяется среди многих миллионов людей. Известны десятки таких разных "противомалярийных" наследственных изменений эритроцитов, а общее число подобных им, планетарно распространенных, должно исчисляться многими тысячами. Рекомбинация генетических изменений в ходе их наследования приводит к тому, что любая пара людей, даже близко родственных, отличается друг от друга тысячами биохимических особенностей. Микробный паразит, вирус или бактерия, заразив одного человека, приспособившись к нему, размножившись в нем, попадая к другому человеку, оказывается в совершенно новой среде. Пока паразит приспособится, против него успевают мобилизоваться другие механизмы иммунитета, бесчисленные, но неповоротливые, не столь быстро вступающие в действие. Но эта наследственная биохимическая разнородность, защищающая человечество от множества инфекций, неизбежно приводит к его разнородности эндокринной, физической и психической. На нее накладываются и воздействия социального окружения, и избирательность реакции индивида на это социальное окружение. Следовательно, при наличии у человека около семи миллионов генов возможны тысячи разных наследственных поражений сложнейших систем, которые управляют реакциями, лежащими в основе этических эмоций, и задерживающими центрами, тормозящими реализацию антиэтических импульсов. Некоторые из этих нарушений нам необходимо рассмотреть.

Из генных дефектов, поддерживаемых среди населения мутациями, особо показательна болезнь Леш-Нигена, вызываемая резким повышением уровня мочевой кислоты в крови. Больные крайне агрессивны по отношению к окружающим и себе самим. Они кусают и ломают все для них доступное. Связь между очень высоким уровнем мочевой кислоты в крови и агрессивным поведением проявляется и при других заболеваниях, например, при подагре. Схожая аномалия обмена (а те только сильные боли) вызывает крайнюю раздражительность и злобность людей, страдающих этим недугом. Если переходить к догадкам, то можно вспомнить, что подагра наследовалась в доме Медичи. Тяжелейшей формой этой болезни страдала королева-мать Екатерина Медичи, самая кровожадная интриганка и убийца XVI века, вдохновитель и организатор Варфоломеевской ночи.

Известно много наследственных болезней, вызывающих эмоционально-этическую деградацию личности (хорея Гентингтона и т. п.). Но гораздо большую социальную роль играют широко распространенные наследственные отклонения, близкие к норме характерологические особенности эпилептоидов, шизоидов, циклотимиков. Каждый из этих типов отклонений имеет не только отрицательные, но и социально ценные стороны. Однако при несоответствующей микросреде целеустремленная настойчивость эпилептоидов оборачивается взрывчатостью, а абстрактное мышление и уход во внутренний мир шизоидов-догматизмом, бесчувственностью и фанатизмом; доброта, общительность циклотимиков-безответственностью. Воспитание и самодисциплина могут подавить нежелательные проявления личностных особенностей, но метод проб и ошибок достаточно мучителей и дорог. "Надлежащий человек на надлежащем месте"вот оптимальное решение для характерологических отклонений, потенциально ценных, но в особых условиях.

На основе ряда близких к норме отклонений вырабатываются и характеры исключительно ценные, и склонные к некоторым преступлениям. К этой же группе отклонений относятся наследственная расторможенность и безволие, проявляющиеся в алкоголизме или наркомании. Конечно, и здесь громадную роль играет среда. Но уже в детстве человек активно выбирает среду на основе некоторых критериев, неосознаваемых им самим, вероятнее всего связанных с его биологической природой. Большинство детей и подростков из неблагополучных семей ускользают из-под вредного влияния родителей. В то же время полное благополучие в семье отнюдь не гарантирует этическую полноценность детей.

Когда ослабевает петля материальной нужды, воспитателем преступности, подчеркнем это снова, может стать зрелище безнаказанного хищничества, паразитизма и торжествующего зла. Воспитываемые примером зла и несправедливости гангстеры, малые и крупные, временные и постоянные, гастрольные и профессиональные, подводимые и не подводимые под уголовные кодексы, не скоро переведутся. Но свидетели зла могут становиться и его приверженцами и противниками. И нелегко будет еще найти то внешнее событие, воспитательное воздействие которого окажется по своей направленности решающим и пока еще "нейтрального" ребенка или юнца повернет к правдоискательству, злу или безразличию.

Когда говорят о роли наследственности, молчаливо подразумевается, "при прочих равных условиях", а уж разобраться в том, во что сформируются бесчисленные разнообразные генотипы в бесчисленно разнообразных и притом меняющихся условиях, пока нам не под силу. Приходится упрощать переменные, потому что только так и можно подойти хоть к первому приближению.

Многообразие частных дефектов и особенностей, в том числе и наследственных, почти безгранично, а многие из них очень нередки. Нас не удивляют ни дальтонизм (у восьми процентов мужчин), ни отсутствие музыкальной памяти или восприимчивости к стихам, ни отсутствие математических способностей. Мы знаем женщин, полностью лишенных материнского чувства. Мы знаем еще больше мужчин, лишенных отцовского чувства, мы знаем людей, не имеющих друзей и не нуждающихся в них. Нас не должно удивлять и существование людей, этически дефективных полностью или в том или ином отношении. Но вернемся от еще не разработанной роли этих характерологических особенностей к более точным данным генетики преступности.

Стремление к господству, отсутствие сострадания, беспощадная борьба с соперниками за добычу, за самку широко распространены среди животных и нередко, как многие другие

типы поведения, прочно закреплены наследственно (ясное доказательство тому - резчайшее различие в поведении необученных собак разных пород).

При изучении причин преступности среди населения в целом каждый раз обнаруживаются бесчисленные переменные, любым из которых легко произвольно приписать решающее причинное значение. При таком массовом изучении совершенно невозможно определить соотносительную роль наследственности и среды в преступлениях. Но роль наследственности четко выступает при изучении тех преступников, которые являются близнецами. Близнецы, разумеется, становятся преступниками вовсе не чаще, чем обыкновенные люди, но близнецы дают возможность познать сложнейшие вопросы наследственности человека. Кратко напомним, что у индивида, мужчины и женщины, при формировании половых клеток не только вдвое уменьшается число хромосом и генов, но и происходит их рекомбинация, так что из всех семи миллионов генов, полученных от отца, и семи миллионов генов, полученных от матери, половая клетка получает только один ген из каждой пары. Естественно поэтому, что братья-сестры, в том числе многие близнецы, вернее двойни, резко отличаются друг от друга по набору генов. Но наряду с обычными, двуяйцевыми близнецами, рождающимися из-за одновременного оплодотворения двух разных яйцеклеток разными спермиями, нередко рождаются и так называемые близнецы однояйцевые. В этом случае образовавшиеся из одной оплодотворенной яйцеклетки две совершенно идентичные по набору хромосом и генов дочерние клетки в дальнейшем развиваются каждая самостоятельно и дают двух наследственно идентичных людей. Они оба, подобно и двуяйцевым близнецам, обычно растут в сходных условиях - семейных, социальных, экономических и воспитательных. Но если разница по любым особенностям между двумя партнерами двуяйцевыми вызвана и наследственными различиями между ними, и различиями в условиях развития, то разница между однояйцевыми партнерами (в первом приближении) вызвана только различиями в условиях развития - наследственность у них идентична. Это бросается в глаза из-за их внешнего сходства, доходящего до полной неразличимости, в то же время установлено их тождество по интимнейшим биохимическим и молекулярным особенностям. Основное различие между партнером преступника в однояйцевых и двуяйцевых парах сводится к тому, что однояйцевый идентичен с преступником по генотипу, а второй отличен от него, как брат от брата. Материалы, собранные в Европе, США и Японии на протяжении сорока лет, ясно показывают, что эта разница оказывает значительное влияние на судьбу партнера: по новейшим, более точным данным, собранным в Дании Христиансеном (1968, 1971), однояйцевый партнер становится преступником вдвое чаще двуяйцевого партнера (см. таблицу в журнале; здесь она опущена по техническим причинам - ***V.V.***).

Можно возразить, что однояйцевые близнецы чаще оказываются в одинаковом внесемейном бытовом окружении, чем разнояйцевые. Но снова напомним, что эту среду партнеры все же и сами выбирают, в ней застревают или уходят из нее, и гораздо показательнее этих статистических данных то, что однояйцевые блианецы-преступники оказались в противоположность партнерам двуяйцевым поразительно сходными по характеру своих преступлений.

Но необходимо помнить, что близнецовый метод характеризует соотносительную роль наследственности и среды не "вообще", не глобально, а лишь в той стране, среде и группе населения, среди которой производилась выборка близнецов. Применительно же к преступности эта оговорка должна иметь в виду прежде всего социальную среду. В частности, если этический генофонд реализуется в большей мере на основе преемственности, то это в еще большей мере относится к антисоциальности, правонарушению и преступности. Но опять-таки во вне-экстремальных условиях выбор пути определяется прежде всего личностью, которой каждый день, неделю, год

неоднократно предоставляется возможность активного выбора между повиновением внутренним законам этики и эгоистической формой поведения.

Некоторые новые факты трудно оспорить. С частотой примерно 1:500 и 1: 1000 встречаются среди мальчиков-младенцев аномалы, имеющие не 46, а 47 хромосом, а именно одну лишнюю половую хромосому, Х. или У. Первые (ХХУ) евнухоидны, вялы, безвольны. Среди туповатых преступников они встречаются раз в десять чаще, чем среди остального населения. Подростки с лишней У-хромосомой даже в хороших семейно-социальных условиях рано начинают выделяться не только высоким ростом, но и эмоциональной неустойчивостью, несдержанностью и агрессивностью, а затем и преступностью. Наиболее характерны для них бессмысленные поджоги и воровство, сексуальные преступления, не столь уж редки и убийства. Среди высокорослых преступников аномалия ХУУ встречается в несколько десятков раз чаще, чем среди нормальных мужчин, Обе аномалии легко диагностируются экспрессными методами изучения хромосомного набора, для первой из них известен метод гормонотерапии и социального патронажа, для второй они еще только продумываются.

Изучение электроэнцефалограмм (ЭЭГ) и судебных дел более 250 тяжелых преступников (убийства, нанесение тяжелых увечий и др.), проведенное в 1969 году Уильямсом в США, показало, что среди однократных агрессоров такого рода аномалии ЭЭГ встречались не чаще, чем среди нормального населения (примерно у 10 процентов), тогда как эти аномалии обнаружились почти у 50 процентов агрессоров рецидивирующих; в первом случае преступление являлось единичной реакцией на очень тяжелую жизненную ситуацию, во втором случае оно было обычной реакцией данной личности на обычные житейские конфликты.

В чем же причина рецидивирующей агрессивности у лиц с нормальной ЭЭГ? Оказывается, что в основе этой постоянно вспыхивающей злобности нередко лежит младенчество и детство, проведенные в отсутствии ласки и доброты. Способность к отзывчивости утрачивается уже почти необратимо - и возникает безудержный эгоцентризм, прорывающийся в повседневном стремлении к самоутверждению. Что обратная ситуация, потакание во всем, тоже развивает эгоцентризм, общеизвестно. Но в чем же причина немотивированной, бессмысленной агрессивности? В неспособности разумно подавлять вспышки эмоций, как это типично и для аномалов типа ХУУ.

Итак, хотя эволюция человека обусловила его чрезвычайную наследственную разнородность, склонность к преступности вовсе не есть неизбежная компонента человеческой психики, порожденная его биологическим "звериным" естеством. Подавляющее большинство людей удерживается в рамках общечеловеческой этики, если только не создаются особые обстоятельства. Существует, однако, большое число биологических и, в частности, генетических аномалий, которые "срывают" норму. Но нужно остановиться на одной особой социальной аномалии, порождающей массовую преступность.

*** * ***

"Новой, реалистической науки о нравственности, освобожденной от религиозного догматизма, суеверий и метафизической мифологии, подобно тому, как освобождена уже современная естественно-научная философия, - и вместе с тем одухотворенной высшими чувствами и светлыми надеждами, внушаемыми нам современным знанием о человеке и его истории, вот чего настоятельно требует

человечество".

П. А. Кропоткин, "Этика". Пб.-М. 1912, т. 1, стр. 6.

Сказать, что человек ищет легкого - значит оклеветать его. Трудностей, самоотвержения, мученичества, смерти - вот чего жаждет сердце человека".

Т. Карлейль.

Девушка. "Все люди - негодяи".
Ученый. "Не надо так говорить. Так говорят те, кто выбрал себе самую ужасную дорогу в жизни. Они без. жалостно душат, давят, грабят, клевещут: кого жалеть? ведь все люди негодяи"

Евгений Шварц, "Тень".

Необходимо перейти от "вульгарной" преступности к той, которая заставляет особенно остро сомневаться в природной этичности человечества.

Существует преступность, уголовно обычно не наказуемая, но таящая в себе огромную социальную опасность: это появившийся задолго до Дарвина социал-дарвинизм "избранных", для которых окружающие лишь объект и средство самоутверждения. Эти избранные иногда откровенничали: "*Если бы народы знали, из-за чего мы воюем, никогда не удалось бы устроить хоть одну приличную войну*" (Фридрих II). Наполеону, великому патриоту сначала Корсики, потом Франции, в период своей послетермидорианской безработицы попросившемуся даже на службу к русскому царю, принадлежит изречение: "*Что значит для такого человека, как я, какой-нибудь миллион человеческих жизней?*" Случайно ли, что его первыми министрами стали самые коварные люди эпохи - Талейран и Жозеф Фуше? ("*На первый взгляд, ни один из этих схваченных на лету обликов Фуше не похож на другой. С некоторым трудом представляешь себе, что тот же самый человек, с той же кожей и с теми же волосами, был в 1790 году учителем монастырской школы, а в 1792 году уже реквизировал церковное имущество; в 1793 году был коммунистом, а пять лет спустя стал миллионером и через десять лет герцогом Отрантским*" (С. Цвейг, "Жозеф Фуше").

Позволим себе еще одно свидетельство, американского ученого Андреского: "*Правители, по собственной инициативе принимающиеся за агрессию, руководствуются главным образом стремлением к власти, славе, к господству над противником; война может быть развлечением для черствого деспота. Людовик XIV - упомянем лишь один из бесчисленных примеров-начинал войны со скуки, не подвергая себя при этом, разумеется, ни малейшим опасностям или лишениям. В противоположность современным деспотам он был на этот счет совершенно откровенен*".

В феодальном, частнособственническом, эксплуататорском обществе социальный отбор быстро выносит захватчиков и их пособников на такие позиции, которые позволяют им господствовать над тысячами "низших". С точки зрения эволюционной генетики, почти все деятели этого рода - тупички эволюции, они почти не оставляют потомства. Однако соответственно своему положению в обществе эти "высшие" или стоящие несколькими рангами ниже видны миллионам, и по этим-то единицам человек подчас составляет представление о большинстве человечества и, естественно, сомневается в существовании общечеловеческих законов этики.

Но подлинный поступательный ход истории, ее истинный прогресс создается отнюдь не тираническими фигурами, не гестаповцами, шагающими па трупам, а тружениками, которые работают, кормят и чаще черепашьими шагами, а иногда и скачками творят

необратимое-добавляют в сокровищницу человечества все новые и новые крупицы знаний, умений, мыслей, идей. Именно эти миллионы тружеников, продолжателей человеческого рода, хранителей и передатчиков наследственных задатков гуманности определяют прогресс человечества.

Ведь утверждают же некоторые зарубежные ученые, что само существование инквизиции, гитлеризма доказывает всесильность "воспитания" и отсутствие наследственной детерминированности совести. Но все эти насильственные идеологии преподносились народам в обманной облатке справедливости, а жестокие средства оправдывались высокой целью. Главное же заключается в том, что во всех случаях предварительно пришлось уничтожить свободу совести, свободу слова, печати, собраний, тайну голосования - словом, прежде всего лишить народ возможности узнавать правду, навязывать ему свою злостно-лживую, многолетнюю, массовую и всепроникающую систему дезинформации: обмана с амвона, через печать, радио, театр и кино.

К этой-то ситуации естественный отбор человеческую психику не подготовил. Отбор вырабатывал альтруистические эмоции и этику тогда, когда она могла опираться на большинство и действовать в согласии с большинством. Естественный отбор, шедший с доисторических времен, также не мог выработать этику, устойчивую к оболванивавшей технике жрецов, священников, расистов, фашистов, хунвэйбинов, как он не мог подготовить наш организм к перенесению взрывов водородных бомб. Но может быть, одной из важнейших опасностей является то, что идеи гуманизма, этики и морали оказались глубоко скомпрометированными софистической философией и пропагандой, внушавшей массам представление о ложности и условности тех этических норм, на которых в действительности держалось человеческое общество. Слитком долго и упорно этику проповедовали в целях эксплуатации и слишком часто преступления против человечности, совершаемые как на почве религиозного фанатизма, так и вследствие навязывания массам политическими авантюристами ложных и реакционных идей, производились якобы во имя "высшей справедливости", И если убежденность в правильности законов этики основывается лишь на каких-то неосознанных чувствах, то в почти безнадежном положении оказываются те, кто, живя в условиях физического и социального угнетения, сохраняет, однако, приверженность законам общечеловеческой этики, следование которым обходится им безмерно дорого.

Однако эволюционно-генетический анализ показывает, что на самом деле тысячекратно осмеянные и оплеванные софистами этические нормы и альтруизм имеют также и прочные биологические основы, созданные долгим и упорным, направленным индивидуальным и групповым естественным отбором.

Естествознание до сих пор мало соприкасалось с проблемами этики и морали. Между тем биологические основы этики и альтруизма человека, порожденные, по-видимому, естественным отбором, и выросший на их основе целый комплекс общечеловеческих чувств и эмоций представляют собой своеобразный универсальный язык, связывающий человечество в единую семью.

Путь от нормальных генов нашей психики до поведения и поступков, разумеется, необычайно многосложен и извилист. Но один фактор на этом пути исключительно важен - это идеалы, господствующие в обществе или в микросоциальном окружении. Уничтожение эксплуатации и порабощения человека человеком, уничтожение идеалов господства, хищничества, стяжательства, карьеризма приведет к тому, что человечество сможет сделать в этике не меньший скачок вверх, чем око уже сделало в науке и технике.

Отбор одарил обыкновенного человека не только способностью слышать и видеть, но и способностью понимать, умом потенциально мощным и проницательным. Требуется лишь устремленность к пониманию добра и зла.

Достижения генетики уже успели приковать к ней внимание десятков миллионов людей. Это поможет осознать, что туманные, неясные душевные побуждения, что та совесть, от которой ради житейского успеха в эксплуататорском обществе нужно, отречься как можно скорее, на самом деле является непреложным фактом нашего существования, саморегенерирующим свойством, несущим в себе и награду и расплату за поступки человека. Человеку ценой миллиардов жертв, жестоким естественным отбором досталась способность мыслить, различать добро и зло. Он должен всегда и во всем быть судьей своим собственным делам, сознавать, что за свои поступки всегда отвечает он сам.